

**Теория порождающих грамматик
Н. Хомского и ее сравнение с лингвистами
начала XX века**

студента 1-го курса

Ионова Максима

Теория порождающих грамматик Н. Хомского и ее сравнение с лингвистами начала XX века

Революция без крови

В середине 1950-х годов в США произошла революция без крови и террора. Это была смена научной парадигмы в лингвистике: дескриптивизм, идеи которого были наиболее прямо высказаны Леонардом Блумфилдом, сменился *генеративизмом*. Эту революцию часто называют «хомскианской революцией» в языкознании в честь человека, устроившего эту революцию, Авраама Ноама Хомского.

Этот ученый — уникальная личность. «Нью-Йорк таймс Бук Ревью» однажды написала: «Если судить по энергии, размаху, новизне и влиянию его идей, Ноам Хомский — возможно самый важный из живущих сегодня интеллектуалов», а по данным «Arts and Humanities Citation Index», между 1980 и 1992 годами Хомский был самым цитируемым из живущих ученых и восьмым по частоте использования источником для цитат вообще. Казалось бы, такому авторитетному ученому надо верить во всем, сразу и безоговорочно, однако в данном эссе я постараюсь не только сделать обзор его концепции, но и указать на то, что, с моей точки зрения, сомнительно и спорно. Ведь до тех пор, пока нейробиологи не разгадали загадку человеческого мышления, у человечества нет оснований ни подтверждать, ни опровергать ни одну гипотезу об устройстве мышления и языка. Помимо обзора концепции Хомского я постараюсь сравнить ее с концепциями лингвистов начала XX века. Прошло полвека, лингвистическая наука сменила курс, и важно отметить, в чем именно кроются основные отличия генеративистской парадигмы от тех теорий, которые были популярны раньше.

Революционность подхода Хомского заключалась, прежде всего, в том, что он поставил лингвистическую науку «с ног на голову». До него считалось, что текст порождается от фонологии к синтаксису, ученый же предлагает совершенно иную схему: порождение текста происходит от синтаксиса к фонологии, то есть начиная с самых абстрактных синтаксических структур. На первый взгляд, ничего революционного в этом нет, однако такой подход открывает новые горизонты для машинного перевода и вычислительной лингвистики. В эпоху, когда теория зарождалась, это было особенно важно: компьютерная революция открывала новые горизонты для лингвистов, и требовалась адекватная модель языка для того, чтобы задачи, поставленные перед компьютером, решались адекватно (хотя мы знаем, что и сейчас большинство проблем, поставленных уже в то время, в частности, машинный перевод, решены лишь частично). Надо сказать, что практика показала несостоятельность такого рассуждения, во всяком случае, частичную: не синтаксис, а семантика определяет смысл предложения. Непонимание этого факта привело к плачевным результатам при попытке моделирования языка: компьютер порождал безупречные с синтаксической точки зрения, но семантически аномальные предложения («Оно больше им не управляет, и не кладет оно его под четыре гладких пола» — из кн. Ю.Д. Апресяна).

Другое отличие генеративистского подхода — в смене задачи лингвистики: сбор и анализ языковых данных для Хомского и последователей не является целью и конечным результатом исследований. На первый план выходит поиск ответа на вопрос, каким образом человек усваивает язык, что принципиально отличает это течение от всех без исключения лингвистических направлений, существовавших до него. Актуальность этого вопроса связана с тем, что речь для генеративистов — отличительный признак человека как биологического вида и является врожденной частью генетической программы людей. Таким образом, понять, как человек усваивает язык, означало, по Хомскому, пролить свет на один из аспектов устройства человеческого сознания, тогда как позиция бихевиористов, господствовавшая тогда в психологии вообще и в психолингвистике в частности, исключала саму попытку

ответа на вопрос об устройстве человеческого сознания. Утверждалось, что исследование человека как разумного индивида должно сводиться к изучению его поведения в среде; результатом должна была стать обобщающая модель этого поведения, не затрагивающая механизмов человеческого мозга. Поскольку эти механизмы не наблюдаемы, их изучение считалось принципиально невозможным и должно было уступить место скрупулезному анализу лишь тех сторон человеческой личности, которые даны в непосредственном наблюдении. Применительно к лингвистике это означало, что ее целью может быть только систематизация данных о языковом поведении человека без каких-либо попыток проникнуть в суть проблемы.

«Дар языка». Усвоение речи ребенком

Хомский даже не столько противоречил господствующей тогда парадигме, сколько отвергал сам принцип, на котором она построена. Противоречие, к которому он хотел привлечь внимание, крылось в процессе усвоения языка ребенком. С одной стороны, в языке бесконечно много правильных предложений, следовательно, изучения языка невозможно свести к заучиванию всех возможных предложений. С другой стороны, ребенок достаточно быстро обретает способность отличать правильное предложение от неправильного. Следовательно, с точки зрения Хомского, ребенок изначально должен иметь в мозгу некие универсальные языковые структуры, «дар языка», в которые он потом подставляет конкретные параметры для конкретного языка.

В этом вопросе я не согласен с Хомским. Мне кажется, он считает, что маленький ребенок неспособен анализировать внешний мир, а я гораздо больше склонен поверить в то, что в ребенка изначально заложена некая подсознательная программа для анализа мира, нежели языковые структуры. Ежесекундно у нас происходит непостижимое количество процессов на подсознательном уровне, причем большая их часть связана с анализом внешних условий. Например, мы постоянно собираем информацию об окружающей среде: освещенность, влажность, температура, при ходьбе анализируем почву под ногами, совершенно об этом не задумываясь. Так почему же тогда нельзя считать, что человек постоянно анализирует речь вокруг? Особенно это касается детей, от которых, как известно, очень трудно утаить что-либо: они замечают малейшие изменения тона, интонации и делают соответствующие выводы. По собственному опыту наблюдения за подрастающим ребенком, я могу с уверенностью сказать, что для него не всегда просто отличить правильно построенное предложение от неправильного, с этой позиции утверждение Хомского теряет свою неопровержимость. Мне кажется, что умение отделять правильную речь от неправильной связано с языковым опытом — чем больше ребенок говорит и слушает, тем правильнее становится его речь. Дело в том, что ребенок, особенно на первых годах жизни, впитывает в себя почти всю информацию, с которой сталкивается. Рассмотрим ситуацию: взрослый и ребенок идут по улице. Слышит ли взрослый разговоры людей вокруг? Нет, ему не до этого, он полон проблем и мыслей, тогда как ребенок каждую секунду наблюдает за миром, вслушиваясь во все, что только может услышать. Для него этот мир внове, поэтому он впитывает его как губка. Представим себе, что взрослый человек забыл все об этом мире, он не знает, что трамвай должен ездить по рельсам, мяч — падать на асфальт, если отпустить его, да еще и подпрыгивать после того, как упадет; солнце каждое утро всходит в одной и той же стороне, садится в противоположной... Он бы стал поглощать информацию с такой же жадностью, потому что внешний мир и язык как одна из важнейших его составляющих — очень интересная вещь для наблюдения для человека, особенно поначалу. Процесс обучения проходит постоянно: пока ребенок не научился говорить сам, он очень внимательно слушает разговоры взрослых, но как только он хотя бы немного учится говорить сам — его не остановишь: он говорит, рассказывает обо всем, что видит, спрашивает. Когда он делает ошибки, а такое поначалу случается часто, взрослые обычно его поправляют (в этом я категорически не согласен с Хомским), если же нет, то его поправят потом: в детском саду, в

школе, или же он услышит сам правильную форму и сделает вывод, что сказанная им форма — неправильная. Обычно это происходит на подсознательном уровне, это «откладывается» в его голове, а потом неожиданно всплывает.

Аргумент Хомского о том, что ребенок не может понять свою ошибку, потому что ему говорят правильные предложения, он никогда не услышит неправильную форму, представляется мне также неубедительным. Есть целый класс задач, решить которые нам мешает то, что люди все время думают, как формулируют это составители задач. Так вот с такими задачами лучше всего справляются именно дети, потому что они редко подходят к задачам с сознательным анализом. Скорее это можно назвать интуицией, это сродни озарению. Понимание структур языка — как раз такая задача: любой носитель языка понимает, как устроен язык, однако объяснить он это вряд ли сможет, потому что языку он учился хаотично и чаще всего на основе подсознательного анализа.

Лингвист говорит о «звуковой структуре» языка. Он утверждает, что носитель языка без труда сможет определить, может ли встретиться слово в языке. Хомский утверждает, что понимание принципов звуковой структуры приходит к человеку благодаря «дару языка», однако с моей точки зрения, такая способность носителей языка делить слова на «правильные» и «неправильные» обосновано лишь тем, что некоторые сочетания звуков у людей «на слуху», а некоторые кажутся совершенно неестественными, поэтому так легко сделать правильный выбор. Опять же, есть заимствования, которые могут нарушать эти правила, вводя в язык (преимущественно в разговорную или узкоспециальную речь) новые слова, совершенно не характерные сочетанием звуков для языка. Так в русский язык вошли слова «фуэте», «фьючерс», «фьорд» или даже «фхтагн» (интернет-сленг), хотя по звуковой структуре они противоречат русскому языку.

Хомский утверждает, что причина невероятно быстрого усвоения словаря у детей в том, что ребенок обладает некими концептами «еще до приобретения языкового опыта, и, по сути, он лишь усваивает ярлычки для концептов, которые уже составляют часть его или ее концептуального аппарата», но, с моей точки зрения, это не совсем так. Детям довольно тяжело дается понимание абстрактных понятий, потому что они не могут их увидеть и отложить у себя в памяти в виде образа. Для того, чтобы запомнить смысл слова, человеку не нужно заучивать все значения в виде словарной статьи. С моей точки зрения, связь означающего с означаемым происходит в виде образов, воспоминаний или других способов, главной особенностью которых должно быть то, что они трудно вербализуемы. Человек не словарь, поэтому хранить в памяти словарные статьи нет смысла. Эти образы — своего рода концепты, как и у ученого, только постигаются они в процессе жизни, а не передаются человеку на биологическом уровне.

Резюмируя все вышесказанное, скажу, что в основе концепции Хомского лежит ответ на вопрос, каким образом человек усваивает речь. Лингвист отвечает на этот вопрос, вводя понятие «дар языка» — структуры языка, с которыми человек рождается. Таким образом, обучение первому языку — всего лишь «настройка» внутренних языковых структур под конкретный язык. Все споры по этому поводу бесплодны, потому что правильный ответ в руках нейробиологов и, быть может, у генетиков.

Наследие прошлого: сходства и различия теории Хомского с теориями лингвистов начала XX века

Как я уже писал, Хомский «перевернул» лингвистику, он предложил рассматривать предложение не от простейших единиц к более абстрактным, но наоборот — от наиболее абстрактных до простейших, от синтаксиса до фонологии. Такой подход не был близок лингвистам-классикам, Соссюр вообще исключал предложения из рассмотрения, оставляя языку только слова и фонемы. Но, как я считаю, у Хомского и у лингвистов-классиков были

разные задачи: если в начале XX века нужно было обозначить границы лингвистики, обозначить место лингвистики среди других наук, иными словами, быть первопроходцами, то Хомский уже не должен был рассуждать о месте лингвистики среди других наук — оно уже было определено; он не должен был искусственно ограничивать лингвистику, потому что первые шаги уже были сделаны, надо было делать следующие шаги — изучать не только язык, но и мышление, иными словами, изучать лингвистику в совокупности с другими науками: психологией, философией и биологией.

Мне кажется, не совсем корректно сравнивать концепции «классиков» с концепцией Хомского, потому что между этими учеными лежит огромная пропасть, связанная не столько с тем, что они писали в разное время, сколько с разным состоянием лингвистики на момент их научной деятельности, причем состояние в эпоху каждого из них меняли лингвисты, которые жили раньше. Поскольку все эти ученые в большей или меньшей степени структуралисты (генеративизм многое унаследовал у структурализма), у некоторых из них прослеживается преемственность во взглядах. Скажем, все эти ученые после Соссюра опирались на идеи, сформулированные им, пусть даже в несколько измененном виде, а Якобсон как бы подводит итог под концепциями всех трех «классиков».

Заключение

Можно сказать, что Хомский подвел итог под структурализмом, сформировав новое направление в лингвистике, которое надолго стало доминирующим в научном мире. Он излагает не только теоретические сведения, но и предлагает практические решения для разбора текста, необходимость чего появилась в связи с развитием вычислительной лингвистики. Эти решения не принимают во внимание семантику, поэтому они нуждались в доработке. Этим занимались И. Мельчук, А.К. Жолковский, Ю. Мартемьянов, формируя *генеративную семантику*.

Вклад Ноама Хомского в лингвистику неоценим, его концепция и ее дальнейшие модификации вызвали огромный резонанс в научном сообществе и предопределили развитие лингвистической науки на много лет вперед.